

заты: античная цивилизация была эволюционным тупиком. В ней впервые в мировой истории возникли исключительные цивилизационные новшества, но она была не в состоянии стабилизировать и развить их дальше. Усвоение и дальнейшее развитие достижений античности произошло примерно спустя полтора тысячелетия.

VII.

Античной средиземноморской цивилизации принадлежит решающее значение для образования современной цивилизации в Центральной Европе со времен средневековья. Поэтому социолог Талькотт Парсонс назвал античные общества “обществами грядки с рассадой” (*seedbed-societies*). Эта метафорика означает: посев, который они сделали, взошел в Европе, начиная с позднего средневековья, и сыграл роль передаточного механизма при возникновении современной цивилизации, охватившей весь мир на основе новых коммуникационных возможностей.

Важную роль при этом сыграло христианство, которое нашло распространение в Римской империи в первые века нашей эры. Благодаря тому, что христианская религия была письменной, античное культурное наследие – философия, политическая теория, естественные науки, поэзия, театр, историография и прежде всего римское право – передавалось по традиции в цивилизации, остававшейся в значительной мере бесписьменной. Латинский и греческий язык изучали, чтобы иметь возможность читать “Священное писание”. Анализом античного мышления занимались, чтобы демонстрировать превосходство христианства по сравнению с языческим миром.

Значение античной цивилизации для формирования современного мира, вероятно, нагляднее всего проявляется в том, что системы функционирования современного общества, то есть то, что принципиально отличает современное общество от высокоразвитых культур до Нового времени, со временем их формирования обозначались почти исключительно античными понятиями. Политика происходит от слова *polis*, в греческом языке обозначающего город. Экономика – от греческого слова *oikos*, обозначающего домашнее хозяйство. Слово “социальный” происходит от латинского понятия *societas* (общество). Милитаризм – от латинского *miles* (солдат). Педагогика – от греческого *paidagogia* (воспитание детей). Понятия “сис-

тема”, “структура”, “культура” и, наконец, “цивилизация” происходят из античности. Правда, их значение изменилось, и некоторые из них сегодня обозначают вещи, для которых не было эквивалента в самой античности. Однако понятия, которыми описывает себя современное общество, свидетельствуют, что античная цивилизация стала важным условием реализации их возможностей.

М. Винфорт

Объективность и партийность как основные проблемы работы историка

Историк обычно работает за письменным столом, в одиночестве. Но каждый из нас стремится к опубликованию своих трудов, и это означает, что историк должен отдавать их на суд критики коллег, а возможно, и более широкой общественности. Он может заслужить похвалу, но также и упреки, например, в недостаточном знании источников, но в большинстве случаев похвала и критика касаются интерпретации. Можно вызвать упрек в том, что недостаточно учитывались определенные факты и аргументы, или, наоборот, что какому-либо аргументу придается неоправданно большое значение. “Постмодернистским” исследователям, например, исследователям в области быта, со стороны представителей структурной истории часто ставится в вину то, что они придают слишком большое значение субъективности живших в прошлом людей, то есть что они интересуются главным образом их самосознанием. При этом, как полагают, непростительно мало внимания уделяется структурам политического господства и социального неравенства, определяющим условия самовосприятия.

Подобные дискуссии, как и другие “войны толкований”, касаются и проблемы объективности. “Объективность” – это тема, которая относится к теории истории, поэтому ее рассмотрение часто бывает абстрактным и мало наглядным. Причина этого в большинстве случаев заключается в том, что примеры хотя и облегчают понимание этой проблемы, но одновременно упрощают ее и превращают в банальность. По сути речь идет о следующих вопросах: является ли тот, кто хочет работать над

каким-либо историческим вопросом, “объективным” по отношению к предмету? Может ли он и должен ли он вообще быть объективным? Понятие партийности по смыслу противоположно понятию объективности, но легко представить себе, что и к нему можно относиться вполне положительно. Стать на сторону обездоленных и угнетенных с политической точки зрения в конечном итоге благородная задача. Почему же тогда не в исторической науке? Но если, несмотря на это, объективность является целью, к которой нужно стремиться, то какими средствами ее можно достичь или как можно хотя бы приблизиться к ней?

Есть бытовое понимание объективности, которое довольно точно отражает проблему “объективности” в науке. “Объективным” считается суждение, которое полностью абстрагируется от собственных интересов и намерений. Лучше всего это удается, когда того, кто выносит то или иное суждение, рассматриваемые обстоятельства никак не затрагивают. Так, “объективным” наблюдателем считается тот наблюдатель игры в футбол, который не симпатизирует ни одной из обеих команд и не относится отрицательно ни к одному из клубов. Но если лучше представить себе этого наблюдателя, станут видны различные условия его суждения: он либо понимает правила, либо не имеет о них ни малейшего представления, возможно, он понимает правила в общих чертах, но что такое “вне игры” – для него остается загадкой; он может быть членом третьего спортивного общества, спортивным репортером или деятелем немецкой футбольной ассоциации или русского спортивного общества и т.д. Таким образом, возможны бесконечно разные перспективы, и каждая из них имеет значение для суждения об игре и влияет на точку зрения наблюдателя.

В немецкой историографии XIX в. “объективность” считал важнейшей целью знаменитый историк Леопольд фон Ранке. Он хотел “исключить себя самого” и черпать “верное” толкование непосредственно из источников. Сегодня современная историческая наука больше не исходит из того, что историк может “исключить самого себя”. Нельзя не учитывать своих осознанных решений, например, политических предпочтений, которые имеет марксист, консерватор или либеральный сторонник социальной рыночной экономики. Но еще сложнее ученым предпринять что-либо против неосознанных оценок и предрассудков, которые, с одной стороны, тоже являются “знанием”, не-

обходимым для того, чтобы вообще иметь возможность судить о чем-то. Таким образом, в любом случае имеется “связь с определенным положением”, как говорят сегодня. И чтобы еще раз подчеркнуть это: связь с определенным положением является не недостатком, а неизбежным условием исторического суждения и интерпретации. Ведь только так можно объяснить, что “каждое поколение историков заново пишет историю”, и это сегодня признается большинством историков. Разумеется, обнаруживаются также новые источники, которые заставляют заново переписывать историю, но главным образом к определенной интерпретации приводит связь историка с его собственной современностью. С другой стороны, очевидно, что не всякая интерпретация является одинаково адекватной, мы еще поговорим о возможных границах “субъективности”.

Рассматривая проблему объективности с научной точки зрения, необходимо попытаться объяснить, каким должен быть путь к цели. Речь идет о знании собственной системы ценностей и ее раскрытии. Я хочу объяснить это на примере, о котором, возможно, вы уже слышали. Речь идет о работе Ганса-Ульриха Велера “Немецкая социальная история”, многотомном труде, целью которого является описание и интерпретация немецкой истории с XVIII по XX в. Велер предполагал первому тому своей работы подробное введение, целью которого является “с максимальной ясностью сообщить читателю о критериях, системе ценностей, теоретических предпосылках, лежащих в основе исследования”. Сам Велер признает, что это монументальная задача: “разумеется, человек не способен объяснить все свои предположения и предварительные решения и - в буквальном смысле слова - предрассудки, он не может даже сам осознать их”. Таким образом, объективность означает, что исследователь прежде всего обязан задуматься о собственных предпочтениях, постоянно задавать себе вопрос об этом - и дать отчет о них читателю.

Итак, когда невозможно полностью изложить все предположения, сделанные заранее, нужно как можно отчетливее показать студентам, слушателям и читателям, какие предпочтения имеет автор. Велер делает это в несколько этапов. Сначала он объясняет “принципы” своей социальной истории. Книга организована на основе трех измерений общества: власть, экономика и культура. Задача Велера состоит в том, чтобы объяснить, как он пришел к этому теоретическому представлению о структуре

общества. Он называет социолога Юргена Хабермаса, который считает, что человеческий мир структурирован “трудом, господством и языком”. Но прежде всего он ссылается на Макса Вебера, вероятно, самого значительного немецкого социолога, который около 1900 г. основал в Германии социологию как науку об обществе. Велер исходит из равновесия этих трех измерений и оспаривает приоритет социально-экономических факторов. Это решение также обосновывается, но в любом случае четко высказывается. Читатель знает, в чем дело.

Введение Велера содержит также отдельный раздел об “интересах, руководящих познанием”. Здесь, во-первых, объясняется, что в книге он хотел бы осветить историю нашей современности. Этим автор решительно отказывается, с одной стороны, от чисто антикварного интереса просто рассказать историю, и, с другой стороны, от эстетического интереса использовать прошлое для назидания, для удовольствия. Ради справедливости здесь, возможно, нужно добавить, что историкам, изучающим историю XIX и XX вв., т.е. периоды, сравнительно недалекие от современности, как правило, очень легко найти связь с современностью. Для тех, кто занимается историей древнего мира или средних веков, это часто не так легко.

Во-вторых, Велер ведет речь о том, чтобы проследить “процесс модернизации”. Я не хочу здесь подробно останавливаться на теории модернизации и существенной для нее категории “прогресса”. Но важно рассмотреть последствия признания теории модернизации для описания истории: исследование будет иметь тенденцию рассматривать все факты и события как часть “направленного процесса” и оценивать и классифицировать их с точки зрения их “значения” для прогресса. “Интересы, руководящие познанием”, можно раскрыть читателю заранее, сообщив ему о центральных понятиях исследования. У Велера речь идет о социальном неравенстве, капитализме и рыночной экономике, в других работах речь может идти о государстве, о важных социальных группах, дворянстве, крестьянах, рабочих. Новая культурная история, которая сейчас очень популярна, часто исследует особенности восприятия, модели толкования и символы, вообще общественные формы выражения. Таким образом, в любом случае важно во введении дать читателю ориентацию, сообщив ему о понятиях, повлиявших на то, какие вопросы ставит автор. Только так появится возможность понять то, что “действи-

тельно интересно” в историческом исследовании: тезисы и интерпретации, значение, которое автор придает определенным событиям, ходу развития, личностям и процессам.

Поэтому объективность задается не объектами, избираемыми в качестве предмета исследования. Ни один подход сам по себе не является «более объективным, чем другой». Статистические данные о выборах в Веймарской республике «сами по себе» не будут более информативными, «более правильными», чем сбор политических мнений отдельных лиц из других источников. Решающим является осознание и достоверность процесса исследования, прежде всего объяснение постановки вопроса. Ей должны соответствовать аргументы, которые используются, чтобы подтвердить собственный тезис, собственную интерпретацию. Вероятно, излишне говорить о том, что осознанное исключение либо неучет источников, противоречащих собственной интерпретации, недопустимы.

Для дискуссий об «объективности» в европейской исторической науке особенно важен один автор: социолог Макс Вебер. Он в своем знаменитом сочинении «Объективность социального-научного и социально-политического познания» попытался рассмотреть это понятие, которое является центральным для исторической науки. Чтобы достичь «объективности», исследователи, по мнению Макса Вебера, должны идти совершенно определенным путем. Первый шаг состоит в выборе темы, в постановке вопроса. Вебер требует, чтобы постановка вопроса «имела значение для культуры», т.е. была актуальной для нашей современности. При этом выбор предмета исследования всегда вытекает из системы ценностей и интереса к ценностям. На втором этапе историк пытается объяснить действия людей в прошлом. На третьем этапе этому объяснению придается определенный смысл, то есть оно интерпретируется.

Этот трехэтапный метод сегодня пропагандируется исторической теорией. Чтобы учений мог претендовать на объективность, ему необходимо использовать определенные методы. Во-первых, эвристiku, которая преобразует ориентацию историка на современность в соответствующую постановку вопроса, во-вторых, критику источников, которая все время учитывает также субъективность источников и их связь с определенной перспективой, и, в-третьих, интерпретацию, которая устанавливает

ет смысловую взаимосвязь выбранных событий.

Таким образом, в дискуссии об объективности речь идет не о том, чтобы заставить исчезнуть собственные представления. Какое влияние оказывают эти представления на выбор исторических тем? Как принимается решение о выборе темы исследования, почему некоторые темы становятся особенно популярными? Многие темы, которые были актуальными десять лет назад, сегодня никого не привлекают. Постановка вопроса в любом случае имеет точку соприкосновения с современностью. Это могут быть личные причины или, скорее, «коллективные», влияющие на целые поколения исследователей. В Германии после 1945 г. преобладала политическая история. Считалось, что ответ на вопрос о развитии национал-социализма скорее всего можно найти, исследуя политическую систему Веймарской республики, Веймарскую конституцию, партии и т.д. Сегодня интересы многих историков переместились на «культуру», интересными кажутся уже не структуры системы господства, а опыт индивидуумов и групп внутри этой системы. Сейчас задается вопрос скорее о действиях и мотивах виновников и попутчиков. При этом речь идет о соотношении между приказом и послушанием, о групповой динамике, о долгосрочных традициях, о ритуалах, моделях толкования, которые могут объяснить, например, симпатию многих немцев к диктатуре и антисемитизму.

Поэтому ни одно направление не может быть «объективно» верным или неверным, его вклад всегда можно оценить только относительно, при этом учитывается, прежде всего, насколько избранный образ действий соответствует научным целям. Поэтому для каждого практического исследования важно отдавать себе отчет об относительности исторического знания и его зависимости от определенной перспективы.

Тем самым историк не может пройти мимо «партийности». Другими словами, существует противоречие между объективностью и партийностью. С одной стороны, ученый должен претендовать на истину, ведь предлагаемая интерпретация должна быть «верной» и убеждать, с другой стороны, мы должны признать, что она зависит от осознанной и неосознанной системы ценностей. Это значит: тот, кто исходит из других ценностей, может интерпретировать те же источники совершенно по-другому. Это противоречие невозможно устраниТЬ, его

нужно выдержать. Многие историки придерживаются мнения, что это противоречие в конечном итоге даже продуктивно, поскольку именно оно дает возможность для дискуссии о толковании прошлого. Но, с другой стороны, важно препятствовать полному произволу. Нельзя допустить, чтобы каждый утверждал все, что захочет. Сейчас эта тема очень актуальна в Великобритании, где проходил судебный процесс известного историка Дэвида Ирвинга, приверженца правых взглядов, против американской исследовательницы Деборы Липстад, обвиняющей его в отрицании холокоста. Что можно возразить против крайних позиций, таких, как «ревизионизм», отрицающий холокост? Политические предпочтения такого автора, разумеется, нельзя опровергать научными аргументами. Но всякий, кто считает себя ученым, обязан соблюдать следующие основные условия:

- Должны соблюдаться методические приемы работы с источником. Источники должны тщательно перепроверяться, и прежде всего должна устанавливаться их связь с другими источниками, чтобы иметь возможность исправить слишком спешенные выводы.
- Интерпретировать не означает делать мерилом всего собственные чувства и представления. Тот, кто сам является убежденным демократом, не может безоговорочно переносить это требование на политическую деятельность XVIII или XIX вв.
- Исторический аргумент не должен нарушать правила формальной логики, т.е. должен быть свободным от противоречий.
- Источники, противоречащие собственной интерпретации, не должны умалчиваться. Ученый должен рассматривать их, должен объяснять, почему он в данном случае считает их ненадежными.
- Ориентация на современность не означает, что историческое суждение можно вынести, исходя из сегодняшних интересов. Если кто-либо претендует на то, чтобы «учиться» у истории, то есть хочет, исходя из интерпретации события в прошлом, сделать выводы для действий в современности, он должен по крайней мере подробно обосновать это.

Автор постоянно несет ответственность за свою интерпретацию. Ни один университет, ни одна партия, ни одно описание хода событий, считающееся объективным, не может снять с автора эту ответственность. Решения о тех или иных ценностях в конечном итоге принимаются индивидуально, даже если на интер-

претаторов различным образом оказывается воздействие, которому трудно не поддаваться.

Там, где эти критерии намеренно или длительно нарушаются, наука превращается в политику. А это уже другая ситуация, в которой отсутствие «объективности» само собой разумеется.

Перевод И.Н. Мирославской

В. Н. Пирогов

Русская историческая традиция

В своем докладе на второй Национальной конференции историков в 1998 г. в г. С.-Петербурге первый заместитель Министра образования Российской Федерации доктор исторических наук, профессор А.Ф. Киселев подчеркнул, что в последнее десятилетие научное сообщество историков оказалось разорванным по идеологическим и политическим пристрастиям; это крайне осложнило выработку если не единых, то хотя бы приблизительно общих методологических основ исторического исследования и согласованных, при всем разнообразии мнений, теоретико-методологических взглядов на исторический процесс. Все это сказывалось и сказывается на преподавании истории в школах, на том, с каких методологических позиций учитель рассказывает ученикам об историческом прошлом своей родины. В подобных условиях считаем целесообразным еще раз напомнить о традициях русской исторической школы.

Ее основателем считается древнерусский историк и публицист XI в. монах Киево-Печерского монастыря Нестор [1]. Его перу принадлежат «Чтение о житии и погребении... Бориса и Глеба», «Житие Феодосия Печерского», «Повести временных лет» и др.

В своих трудах он не только проповедовал христианские идеи, но и подчеркивал самостоятельность Руси по отношению к мощному тогда Византийскому государству. Он выступал страстным патриотом своей земли, осуждал распри между князьями, ратовал за объединение. В названных документах раскрывается широкий для того времени кругозор Нестора, его народно-героические мотивы, которые переплетаются с феодальными и христианскими

представлениями об окружающей действительности.

Тогда для первых исторических трудов примером служили византийские жития святых, особенно их краткая форма, называемая «пролог». Но, перенимая опыт византийцев, русские летописцы писали по-своему. Их летописи отличались большей простотой и историчностью. Примером тому служат летописные биографии Ольги, Владимира, Бориса и Глеба. Они содержат многочисленные сведения о военных успехах и неудачах, рисуют картины политических событий того времени. Их отличительной чертой является наличие народных легенд, сказаний и песенно-эпических деталей.

В исторических документах XI в. уже есть сведения о политической борьбе за власть, о хозяйстве и быте Печерского монастыря, о голоде, спекуляции солью во времена княжения Святослава, о восстании крестьян в Киеве в 1113 г. Так началась складываться русская историческая школа.

Одним из замечательных памятников русской истории стали «Слово о полку Игореве» и «Задонщина». В этих рукописях содержится призыв к прекращению междуусобиц, к объединению для борьбы с внешним врагом. Оба документа глубоко патриотичны, конкретны, насыщены фактическим материалом и политическими оценками, что со временем стало характерным для становления русской исторической школы. Взявшая свое начало в Киеве традиция церковно-исторической литературы (содержавшая, как правило, описание жизни святых) получила название агитография. Эта традиция в русской исторической школе в XII-XIII веках постепенно распространялась на всю Северо-Восточную Русь. Характерной особенностью трудов историков той поры была ярко выраженная тенденция – стремление к церковной самостоятельности одних и описание светской жизни других.

Канонизация святых на соборах 1547 и 1549 гг. дала новый импульс развитию исторической науки. Так, в «Житии Симона Воломского», основателя монастыря в Великом Устюге, дается представление о социально-политическом положении населения, о классовой борьбе крестьян в XVII веке, говорится об истории земледелия, о строительной технике, быте и традициях поместьев, об истории монастырских колонизаций. Таким образом, историческая школа стала наполняться разнообразным материалом. Постепенно стали меняться подходы и методы освещения реальной дейст-